

В. С. Гольшенко

Палеографическое описание Типографского Евангелия XII в.

Рукопись Четвероевангелия размером в большую 4 (24,5 19,5–20 см) известна как Типографское Евангелие (далее ТЕ), хранится в РГАДА в фонде 381 (Синодальная типография) под № 1.

В настоящее время рукопись содержит 193 листа и не имеет конца. Текст обрывается по последней пагинации (см. ниже) на л. 191об. на словах из **Прит' чѣ ꙗже ѿ еван' гелиа: «днѣволъ • ч' то нерен...»**.

Прямых сведений о времени и месте написания в рукописи не содержится. Она известна в научной литературе как письменный памятник, относящийся по времени «до 1150 г. или около» [Срезневский 1882: 59], то есть к началу XII в., к первой половине XII в. [Волков 1897: 52; Дурново 1969: 58] и к XII в. [Воскресенский 1894: 20–21; Шумилов 1954: 58; Сводный каталог 1984: 112; Каталог славяно-русских рукописных книг 1988: 55].

Рукопись до сих пор не была полностью изучена со стороны палеографии. Имеются лишь краткие палеографические ее описания в каталогах ранних славяно-русских книг [Сводный каталог 1984: 112–113; Каталог славяно-русских рукописных книг 1988: 55–57].

Предметом специального лингвистического изучения в полном объеме текст ТЕ тоже не был. Единичные примеры из него для иллюстрации отдельных явлений древнерусского языка использовал в своем труде Н. Н. Дурново [Дурново I: 88, 91; Дурново II: 109, 114; Дурново III: 11, 13, 22, 32, 34–36, 39–41, 44, 45, 56–58, 61, 63, 64]. В последнее время исследованию некоторых вопросов графики и орфографии ТЕ посвящены работы В. С. Гольшенко [Гольшенко 2000; Гольшенко 2002].

В 1882 г. Амфилохием были опубликованы небольшие фрагменты текста (л. 63об.–64, 10об.–14об.; см. [Амфилохий 1882: 45–46; 71–74]).

Переплет. Рукопись заключена в значительно более поздний по сравнению со временем её написания переплет. О том, что она пережила, хотя бы один раз, смену переплета может свидетельствовать

уменьшение полей её листов, в результате которого оказались полуобрезанными или вовсе утраченными буквенные номера первоначальной потетрадной пагинации, расположенные в правом верхнем углу первого листа каждой тетради.

Доски XVI в., судя по наличию желобков на них как со сторон, прилежащих к корешку, так и с противоположной ему, а также по тому, что они не выдвигаются над обрезами листов, обтянуты в XVII в. крашеной (тканью синего цвета), к настоящему времени сильно потемневшей с лицевой стороны. Предварительно «доски были поволочены... “в затылок” кожей замшевой выделки» [Сводный каталог 1984: 112], фрагменты которой сохранились внизу на корешке и на верхней доске.

По расположению имеющихся на верхней доске медных гвоздиков следует полагать, что с их помощью был прикреплен отсутствующий в настоящее время средник в виде восьмиконечного креста. На противоположной корешку стороне на этой доске сохранились два медных шпенька для застежек. На сторонах, примыкающих к корешку, было еще по одному шпеньку, от одного из которых осталось вверху лишь углубление, а второй снизу утрачен вместе с отколовшейся частью доски.

На внешней стороне нижней доски сохранились кожаные с тиснением в три параллельные линии застежки. Две из них с петлями, оканчивающимися медными колечками: по одной на сторонах доски, прилежащих к корешку, и одна полуоборванная, без петли на противоположной корешку стороне. На этой же доске имеется пять медных жуковин: одна четырехугольная в центре и четыре — полусферической формы по углам.

Внутренняя часть нижней доски заклеена бумагой, на которой едва различимы полузатертые или выцветшие следы многочисленных поздних помет карандашом (см. ниже). Тоже карандашом написаны арабские цифры на внутренней части верхней доски переплета (см. ниже).

По-видимому, какое-то время рукопись не имела переплета, и роль его верхней доски выполнял л. 1, не содержащий текста, затертый, со следами работы жучка, с различного рода пометами (см. ниже). Этот лист приплетен к I тетради: часть его в виде обрезанной во всю длину листа узкой полоски находится между л. 9 и л. 10.

Корешок рукописи обнажен. На нем хорошо видны и места сшива (следы распилов) тетрадей от более раннего переплета.

В настоящее время корпус кодекса распадается на несколько частей: 1) верхняя доска переплета, к которой прикреплены тетради с I по XIII, 2) XIV тетрадь, 3) тетради с XV по XXII, 4) тетрадь XXIII, 5) XXIV тетрадь, к которой прикреплена нижняя доска переплета.

Пергамен. Рукопись составлена из листов пергамена невысокого качества, содержит немалое число толстых, шероховатых листов гру-

бой выделки. Для изготовления пергамена использовалась и кожа, уже имеющая разного рода дефекты. Так, на многих листах находятся следы от личинок овода. Нередко при выделке кожи на их месте образовались дыры (например, л. 11, 132, 152), или кожа истончилась до тонких пленок, которые писец либо обходит (например, л. 26г 9—10, 146б 17), либо пишет поверх них, что впоследствии нередко приводит к частичной (например, л. 13а 21) или полной (например, л. 88г) утрате букв в образовавшейся на месте такой пленки дыре.

Отдельные листы пергамена изначально имеют дефекты и другого рода. Так, отсутствуют нижние правые углы у л. 11, 44. Часть листов, первоначально имевших разрывы, грубо сшиты нитками или сохранили лишь следы сшивов в виде проколов (например, л. 135, 167). Нередко писец обходит эти сшивы, оставляя на их месте, что происходит чаще всего внутри строк, пробелы в одну или в несколько букв (например, л. 135а 19—21, б 18—19, 165б 20—23).

Следов бытования самой рукописи и ее текста, дающих представление об их сохранности, значительно больше. Эти следы многочисленны и разнообразны, представляют собой как правило результат повреждения не только пергамена, но, что самое важное, — текста. Так, у л. 167 оторван вместе с текстом верхний правый угол, что произошло еще до нумерации рукописи арабскими цифрами, ибо номер этого листа поставлен уже на правом поле против 12-ой и 13-ой строк.

Листы рукописи изобилуют различного вида и происхождения пятнами, оставшимися от капель воска (иногда с сажей), олифы, поздних чернил разного цвета (черного, темно-серого, рыжего), сырости. Пергамен местами прожжен до дыр искрами или частичками горящего или раскаленного какого-то вещества (например, л. 13а, 36г). Имеются карандашные пометки. Из-за колебания влажности воздуха на пергамене образовались складки.

В результате всего этого пострадал текст. Отдельные буквы и слова оказались скрыты в складках пергамена. Вместе с каплями воска и на складках пергамена осыпались чернила, вследствие чего текст местами читается с трудом или вовсе утрачен. Различными пятнами частично или полностью смыты отдельные буквы. Пергамен местами взлохмачен или затерт, что затрудняет прочтение текста.

Особое внимание следует обратить на позднее вмешательство в текст «правщиков» (?) и переписчиков. Приемы этой правки различны. Так, отдельные буквы, полусмытые разного рода пятнами, могут быть наведены по старому их контуру (например, л. 75а, б, г, 95об., 97), написаны заново по подскобленному пергамену (например, л. 119а 1), внесены в междустрочье над местом пропуска, написаны на полях или в межстолбцовом пространстве в сопровождении значков вставки

разного вида, которые обычно повторены в междустрочье над местом пропуска. Эти исправления в основном сделаны чернилами и только в единичных случаях жидкой кинovarью (л. 142).

В рукописи имеется группа из восьми исправлений, сделанных крупными буквами, помещенными обычно на полях и значительно реже в межстолбцовом пространстве. Эти буквы сопровождаются значками вставки либо в виде прямого крестика, концы которого загнуты книзу (л. 35б, в, 64в, 73в, 75а об. г, 94в), либо в виде четырехточия (л. 99б). Лишь в одном случае эта правка внесена в междустрочье и не имеет значка вставки (л. 23б).

Судя по ранним приемам начертания букв, а также по аналогичному рисунку титла, употребляемого писцом ТЕ, можно допустить, что эта правка внесена самим писцом. Вместе с тем некоторые хотя и мало-существенные отличия от индивидуальных приемов начертания отдельных букв писцом ТЕ, а также цвет чернил вызывают сомнения, что эта правка внесена самим писцом, а не иной рукой.

Многочисленны в рукописи и внесенные, по-видимому, не ранее XV в. полууставом, судя по начертанию букв и разного цвета (черного или темно-коричневого, рыжего) чернилам, возможно двумя лицами (редакторами?) указания к евангельским чтениям. Они расположены на полях рукописи, а также в межстолбцовом пространстве. Иногда эти указания содержат сокращенные слова, обозначающие дни недели или концы чтений (**кѡц**). Кроме того отмечены пометы иного рода, например, **дотолѣ | пиши** л. 71, **до | т | пиши** 105, а также полуобрезанная проба пера — **поку...** л. 47об. из формулы «покушаю пера».

Отличительной особенностью описываемой рукописи является обилие изображений крестов различной формы, имеющих на ее полях и в межстолбцовом пространстве. Это в основном шести- и восьмиконечные кресты. Многие из них на подножиях, один — на Голгофе (л. 115б). На нижнем поле л. 150 вырезан прямой четырехконечный равносторонний мальтийский крест. Они появились в рукописи позднее ее написания, внесены чернилами разного цвета (черного, темно-коричневого, рыжего), вероятно, не одним лицом.

На правом поле некоторых листов (л. 115, 155, 159) сверху и до 7-ой строки срезаны и загнуты узкие полоски пергамента, образующие «закладки».

Разлиновка. Буквы текста в рукописи стоят на линии строки. Таким образом, количество строк текста на том или ином листе зависит от разлиновки столбцов этого листа.

Больше половины тетрадей, то есть 13 из них (VII—X, XIII—XIX, XXIII—XXIV), имеют по 24 строки текста в каждом столбце; 6 тетрадей (I—VI) — по 23 строки, две тетради (XI, XII) содержат каждая по 23

и 24 строки, еще две (XXI и XXII) — по 24 и 25 строк и одна (XX) — по 23, 24, 25 строк.

В связи с этим особый интерес вызывают эти последние пять тетрадей, в которых некоторые половинки двойных листов разлинованы на разное число строк. Так, в XI тетради обе половинки двойных листов первого (л. 79–86) и четвертого (л. 82–83) имеют соответственно по 23 или по 24 строки. Тогда как половинки второго (л. 80–85) и третьего (л. 81–84) двойных листов содержат разное число строк: соответственно по 23 (л. 80, 81) и по 24 строки (л. 85, 84). Аналогичная картина представлена и в XII тетради: первый двойной лист (л. 87–94) разлинован на 23 строки, четвертый (л. 90–91) — на 24. Половинки средних двойных листов второго (л. 88–93) и третьего (л. 89–92) тоже имеют разное число строк: соответственно по 24 строки (л. 88, 89) и по 23 (л. 93, 92).

В XXI тетради (л. 160–167), как и в XI и XII, тетрадах двойные листы первый (л. 160–167) и четвертый (л. 163–164) разлинованы соответственно на 25 или на 24 строки. Половинки же средних двойных листов второго (л. 161–166) и третьего (л. 162–165) разлинованы на разное число строк: соответственно на 25 или на 24 строки.

В XX тетради (л. 152–159) половинки средних двойных листов, второго (л. 153–158) и третьего (л. 154–157), также имеют разное число строк: соответственно 24 или 25 строк. Половинки первого двойного листа (л. 152–159) разлинованы по-разному: соответственно на 23 или на 24 строки. И только четвертый двойной лист этой тетради содержит 25 строк. И, наконец, в XXII тетради (л. 168–175) половинки двойных листов первого (л. 168–175), второго (л. 169–174) и третьего (л. 170–173) имеют разное число строк: соответственно по 25 или 24 строки. Четвертый двойной лист (л. 171–172) этой тетради разлинован на 24 строки.

Таким образом, по-разному разлинованные на 23–24, либо на 24–25, либо на 23–24–25 строк двойные листы или их половинки оказывались в пределах той или иной тетради. Таких тетрадей в ТЕ, как видим, всего пять из двадцати четырех: XI, XII, XX–XXII. Каждая из остальных девятнадцати тетрадей содержит определенное число строк: 23 либо 24.

Разное число строк на половинках одного и того же двойного листа позволяет предположить, что такие двойные листы скорее всего могли линоваться половинками по мере надобности и, по-видимому, будучи уже сложенными в тетрадь. Тогда как двойные листы с одинаково разлинованными их половинками могли быть разлинованы и предварительно, то есть до их сложения в тетрадь.

Отсутствует в рукописи и единая схема или рисунок разлиновки «рамы» листа и его столбцов. Элементами рисунка этой «рамы» яв-

ляются пересекающие весь лист одинарные и двойные вертикальные и горизонтальные линии. Они представлены в различных вариациях как по количеству, так и по месту расположения на листе. Преобладают при разлиновке листа одинарные горизонтальные и вертикальные линии.

На каждом листе рукописи обязательно, без исключения имеются по две одинарные горизонтали вверху и внизу каждого из столбцов текста, представляющие собой соответственно две первые и две последние строки этих столбцов. Также неизменным атрибутом являются четыре вертикальные линии, ограничивающие ширину столбцов и межстолбцового пространства.

Остальные одинарные вертикальные и горизонтальные линии, пересекающие весь лист, представлены перманентно и в различных комбинациях. Так, одинарные горизонтальные, помещенные иногда по одной на верхнем или нижнем поле листа предназначены для заголовков статей. Значительно реже с этой же целью используются и двойные горизонтальные. Одинарные вертикали нередко находятся по одной на правом поле листов. Двойные вертикали располагаются чаще всего по одной и значительно реже по две перед первым столбцом текста или после второго. Варьируется по листам, как уже было описано выше, и число строк (одинарных горизонтальных линий) в пределах столбца от 23 до 25.

Комбинации на листе вертикальных и горизонтальных линий, можно схематично представить в следующем виде: листы тетрадей, столбцы которых разлинованы только на 23 строки, например, с I по VI имеют «рам» различного рисунка: I тетрадь разлинована по первому типу, тогда как тетради со II по VI — по второму. Вместе с тем тетради с VII по X, с XIII по XIX, а также XXIII и XXIV, столбцы которых разлинованы на 24 строки, имеют «рам» разного рисунка: VII и VIII — второго типа, IX — первого, X—XIII, XIV — четвертого, XV — первого и четвертого, XVI — третьего, XVII — первого, второго, пятого и шестого, XVIII — первого и пятого, XIX — XXIII — шестого, XXIV — пятого и шестого. Тетради, насчитывающие по 23 и 24 строки в столбцах, имеют «рам» разных типов: XI — первого, третьего и четвертого, а XII — четвертого. Разлинованные на 24 и 25 строк тетради имеют «рам» пятого типа (XXI) и шестого (XXII). И наконец, XX тетрадь с разлиновкой столбцов на 23, 24 и 25 строк имеет «раму» пятого типа. Следовательно, тетради листы которых разлинованы на 23 строки, могут иметь «рам» типа I—V, на 24 — I—VI и на 25 — V.

Наблюдения за разлиновкой листов рукописи показали, что единая схема их разлиновки отсутствует. Об этом свидетельствуют как разное число строк в столбцах при одном и том же рисунке «рам» (например,

имеющие одну и ту же «раму» листы в тетрадах со II по VIII при этом насчитывают либо 23 строки в столбце, как тетради со II по VI, либо 24, как тетради VII и VIII), так и одно и то же число строк в столбцах при разных рисунках «рамы» (например, в тетрадах I, II—VI, где число строк в столбце одинаковое, то есть по 23 строки, а «рамы» представляют собой разные типы: I тетрадь разлинована по первому типу, а II—VI — по второму).

Таким образом, количество строк в столбцах не зависело от рисунка «рамы». Поскольку буквы при любом числе строк в столбце всегда стоят только на линии строки, можно заключить, что столбцы изначально линовались на разное число строк и, надо полагать, уже после составления «рамы», хотя бы после проведения ограничивающих столбцы в ширину и в длину одинарных и лишь изредка двойных вертикалей и двух двойных горизонталей.

Исходя из того, что рукопись написана одним писцом (см. ниже) следует, что данный кодекс не мог быть сложен из частей разных рукописей. Разлинованные по-разному листы исследуемой рукописи не составляют каких-то блоков, а чередуются на протяжении всей рукописи.

Анализ разлиновки листов ТЕ позволяет предположить, что при написании текста использовались листы с разной разлиновкой. При этом, возможно, как уже заранее разлинованные листы, так и такие, которые линовались по мере надобности в них. Нельзя исключить и того, что некоторые из этих листов, во всяком случае половинки отдельных двойных листов линовались уже в составе сложенной тетради.

Тетради. Нумерация. Первый из сохранившихся 193 листов рукописи — одинарный, не содержит текста. Он приплетен к 1 тетради (л. 2—9): между л. 9 и 10 от него имеется лишь узкая полоска пергамена во всю длину листа. Остальные 192 листа рукописи собраны в 24 тетради, каждая из которых состоит из восьми двойных листов.

В рукописи имеется несколько пагинаций, потетрадных и полистных (см. таблицу № 1).

Следы, по-видимому, первоначальной потетрадной нумерации буквенной цифирью сохранились частично лишь на нескольких тетрадах в правом верхнем углу их первых листов: на л. 49 (хвост от ζ), л. 65 (часть ϕ ?), л. 79 (α), л. 87 (β), л. 112 (ϵ), л. 128 (η ?), л. 144 (κ), л. 152 ($\bar{\kappa}\alpha$?), л. 160 ($\bar{\kappa}\beta$?), л. 168 (κ), л. 176 ($\bar{\kappa}\dots$?), л. 184 ($\bar{\kappa}\epsilon$?). За исключением л. 144 и 184, все приведенные номера тетрадей полуобрезаны, вероятно, при уменьшении полей рукописи при смене переплета (?).

Вторая потетрадная пагинация производилась, судя по начертанию букв, среди которых употребляются грецизированные буквы α , ϵ , Δ , не ранее XV—XVI вв., до утраты $\bar{\Delta}$ тетради. Буквы-номера этой паги-

нации проставлены посередине нижнего поля последнего (8-го) листа каждой тетради. Есть основание полагать, что эта нумерация принадлежит двум лицам.

Таблица 1

Количество и состав тетрадей	Потетрадные буквенные пагинации		Полистные пагинации арабскими цифрами	
	I	II	чернила	Карандаш
			I	II
I (8 л.)	—	ā	2–9	2об.–9об.
II (8 л.)	—	ḅ	10–16	10об.–15об., 15а, 15аоб., 16об.
III (8 л.)	—	ḡ	17–24	17об.–24об.
IV (8 л.)	—	ḏ	25–32	25об.–32об.
V (8 л.)	—	ḗ	33–40	33об.–40об.
VI (8 л.)	—	ḥ	41–48	41об.–48об.
VII (8 л.)	[z]	ẓ	49–56	49об.–56об.
VIII (8 л.)	—	ḥ	57–64	57об.–64об.
IX (8 л.)	[ϕ]	ḥ	65–71	65об.–(68)а, 68аоб.–71об.
X (8 л.)	—	ḥ	72–78	72об.–(75)а, 75аоб.–78об.
XI (8 л.)	аи	āи	79–86	79об.–86об.
XII (8 л.)	ви	ḅи	87–94	87об.–94об.
XIII (8 л.)	—	ḡи	95, 97–103	95об., 97об.– 103об.
XIV (8 л.)	—	ḏи	104–111	104об.–111об.
XV (8 л.)	[z]	ẓи	112–119	112об.–119об.
XVI (8 л.)	—	ḥи	120–127	120об.–127об.
XVII (8 л.)	[н]	ḥи	128–135	128об.–135об.

XVIII (8 л.)	—	Ѡ	136—143	136об.—143об.
XIX (8 л.)	к	к	144—151	144об.—151об.
XX (8 л.)	к[а]	ка	152—159	152об.—159об.
XXI (8 л.)	к[в]	кв	160—167	160об.—167об.
XXII (8 л.)	к	кг	168—175	168об.—175об.
XXIII (8 л.)	к	кд	176—183	176об.—183об.
XXIV (8 л.)	к[е]	ке	184—191	184об.—191об.

Иной рукой проставлены буквы — номера тетрадей $\overline{\Gamma}$ и, $\overline{\text{E}}$ и, $\overline{\text{C}}$ и, $\overline{\text{O}}$ и, $\overline{\text{K}}$, $\overline{\text{K}}$ а, $\overline{\text{K}}$ г. Они отличаются от всех остальных другим начертанием одних и тех же букв, рисунком титла (зигзагообразное титло вместо волнистого покрытия), а также иногда и графическим оформлением числа, по обе стороны которого могут стоять точки.

Смена рук наблюдается во второй потетрадной пагинации рукописи, начиная с XIII ($\overline{\Gamma}$ и) тетради, за которой в настоящее время имеется пропуск текста в объеме одной тетради. Следует заметить, что сохранившиеся номера обеих потетрадных (первоначальной и второй) пагинаций первого десятка тетрадей совпадают, чего нельзя утверждать в отношении буквенной цифири остальных тетрадей, поскольку от первоначальной потетрадной нумерации второго и третьего десятка тетрадей сохранились лишь фрагменты этих номеров. Следовательно, подтверждением тому, что тетрадь исчезла после второй потетрадной нумерации может служить лишь отсутствие в рукописи буквы-номера $\overline{\text{D}}$ и и текста в объеме одной тетради между XIII ($\overline{\Gamma}$ и) и XV ($\overline{\text{E}}$ и) тетрадями.

Сопоставление заголовков евангельских чтений от Луки в оглавлении на л. 89 б, в с аналогичными заголовками, расположенными на верхнем поле л. 103, 104 показывает, что в рукописи на стыке л. 103об.—104 пропущен текст, начиная со стиха $\overline{\text{H}}$ и и по $\overline{\text{L}}$ а (от Луки с VI $\overline{\text{L}}$ е по IX $\overline{\text{M}}$ а). В рукописи, судя по оглавлению на л. 89 а, б, отсутствует текст стихов: $\overline{\text{H}}$ и о стътнницѣ, $\overline{\text{O}}$ и о снѣж въдовница, $\overline{\text{K}}$ о послантънихъ ѿ ѿвана, $\overline{\text{K}}$ а о помазавшии $\overline{\text{G}}$ а хрїзмой, $\overline{\text{K}}$ в о прїтчи сѣющааго, $\overline{\text{K}}$ г о запрѣщенїи вътрѣжїи морїу, $\overline{\text{K}}$ д о легевнѣ, $\overline{\text{K}}$ е о дъщерїи архїсїнагоговѣ, $\overline{\text{K}}$ з о крѣвоточивѣи, $\overline{\text{K}}$ з о послании обою на десате, $\overline{\text{K}}$ н о пяти хлѣбѣ, о гнїи въпрошении, $\overline{\text{L}}$ о прѣображенїи хвѣ, $\overline{\text{L}}$ а о вѣсациїи сѣ на новѣ мѣсц.

Объем отсутствующего текста не противоречит данным, полученным при анализе пагинации листов рукописи, об исчезновении одной тетради (XIV — $\overline{\text{D}}$ и).

Представлены в ТЕ и две поздние полистные пагинации. Скорее всего они внесены перед поступлением рукописи в РГАДА (1934 г.) или сразу после этого.

Первая из них, крупными арабскими цифрами, которые проставлены на поле в верхнем правом углу листов, имеется только на лицевой стороне (recto) каждого листа. Она произведена чернилами черного цвета не ранее XIX—XX вв.

Вторая полистная нумерация внесена тоже арабскими цифрами, но карандашом, в сопровождении сокращенного слова «оборот» (об.), находится на обороте (verso) всех листов рукописи. Она принадлежит иной руке. По сравнению с первой полистной нумерацией цифры второй значительно мельче и написаны небрежнее. Они стоят, как и при первоначальной потетрадной нумерации, на верхнем поле листов, но при этом в первой половине рукописи почти без исключения над первым столбцом текста, а во второй — посередине этого поля или над вторым столбцом и лишь иногда над первым. Исключение составляет нумерация л. 15а, проставленная в правом углу листа.

При первой полистной пагинации было пропущено обозначение л. 96: за л. 95 следует и в настоящее время лист под номером 97. Однако последовательность текста и количество листов в XIII (гг) тетради (четыре двойных листа) не нарушены, что свидетельствует лишь об ошибке нумеровавшего рукопись. Кроме того, оказался нумерованным еще один лист, следующий за л. 15, а каждый из двух листов 68 и 75 были ошибочно пронумерованы одним и тем же номером, то есть появилось по два листа под номерами 68 и 75. Эти ошибки были исправлены при второй полистной пагинации: за л. 15 появились л. 15об., л. 15а и л. 15а об., за л. 68 — л. 68об., л. 68а, л. 68аоб., за л. 75 — л. 75об., л. 75а л. 75а об. Следует подчеркнуть, что в обозначении листов 68а и 75а арабские цифры внесены, как было указано, при первой полистной нумерации, а буквы а — при второй. Поэтому в таблице 1 числа 68 и 75 в обозначениях (68)а и (75)а заключены в круглые скобки.

Орнамент. Чернила. Киноварь. Рукопись ТЕ украшена достаточно скромно. Имеет несколько малых заставок, множество разного размера и рисунка инициалов, а также различного вида значки, сопровождающие заглавия Евангелий и статьи оглавлений к тексту.

Заставок всего лишь восемь на лл. 2а, 58в, 89а, 90а, 134а, 170б (б₁ — между 5-ой и 6-ой строками текста и б₂ — между 8-ой и 9-ой строками), 191г. Заставки, за исключением той, что находится на л. 170б₁, представляют собой узкие прямоугольники высотой в две строки и длиной в одну строку столбца текста. Заставка же на л. 170б₁, занимающая в высоту и длину одну строку, не имеет рамы и состоит из чередующихся комбинаций простейших геометрических элементов: трех верти-

кальных черточек и перечеркнутой посередине вертикальной змейки. По обе стороны ее поставлено по декоративному элементу, имеющему вид византийской «ветки», опущенной вниз.

Прямоугольники остальных заставок заполнены повторяющимися комбинациями простейшего растительного мотива — стилизованных стеблистых растений. При этом в пяти из этих заставок поле прямоугольника заполнено только растительным мотивом указанного рисунка (л. 2а, 58в, 90а, 134а, 191г). Тогда как в двух оставшихся заставках (л. 89а, 170б₂) прямоугольники внутри расчленены на «уголки» и во всех этих внутренних перегородках помещены стилизованные цветы.

Заставки на л. 58в и 134а имеют одинарную раму, а на л. 2а, 89а, 90а, 170б₂, 191г — двойную. На л. 58в рама заставки не имеет наверший по углам. На л. 134а боковые стороны рамы представляют собой обращенные наружу двойные контурные скобки, концы которых являются как бы навершиями на всех ее четырех углах. На всех углах двойных рам в заставках на л. 2а, 89а, 90а, 170б₂, 191г как бы завязаны узлы, которые также выполняют роль наверший. В свою очередь к этим узлам в заставках на л. 2а, 90а прикреплены еще сверху стилизованные «цветки».

Инициалы имеют разный размер: большие, длиной в 5—6 строк, средние — в 2—3 строки и малые в 1,5—2 строки. Начинаясь на верхнем уровне строчных букв одной строки и пересекая междустрочье, они касаются верхнего уровня букв, расположенных строкой ниже. Количеством преобладают в рукописи малые инициалы. Несколько меньше средних. Больших же всего лишь четыре (л. 3а, 59а, 90б, 134б). Ими начинается текст каждого из четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

Большие инициалы почти целиком расположены в столбце текста. Средние и малые пишутся либо за пределами столбца текста, при этом непосредственно перед строкой, на левом поле или в межстолбцовом пространстве, либо внутри строки.

Различаются инициалы и рисунком. Малые и часть средних инициалов представляют собой те же самые, но лишь увеличенные строчные буквы, нередко они даны двойным контуром. Большие и остальная часть средних инициалов выполнены в том же старовизантийском стиле, что и заставки.

Рама или каркас этих инициалов, составляющих основной рисунок буквы, заполнены деталями геометрического (В л. 5г, В л. 26г) или стилизованного растительного мотивов (О л. 5а, В л. 21а) — двойные скобочки, цветки, ветки, почки, а также тех и других одновременно (В л. 6а, 8 в, С л. 17г).

Небольшие значки, употребляющиеся при заголовках Евангелий или их статей в оглавлениях, предшествующих тексту самих Еванге-

лий, либо находящихся на верхнем или нижнем поле рукописи, имеют разный вид. Это либо косой крест, окруженный с четырех сторон точками (✕), либо змейка (S), либо значок, напоминающий крупного размера букву **е**, волнистый язычок которой не прикреплен к ее спинке. Следует заметить, что элементом украшения является имеющая различный вид буква **О**, открывающая каждую статью оглавлений. Так, в Евангелии от Матфея это — круглый овал внутри которого по бокам отделено по сегменту, иногда закрашенному чернилами; от Марка — вытянутый овал, внутри которого помещена выполненная двойным контуром буква перевернутое «зело», а остальное пространство закрашено чернилами; от Луки — круглый овал, внутри которого находится выполненный двойным контуром прямой равносторонний четырехугольный крест, а остальное пространство заполнено чернилами; от Иоанна — буква **О** с точкой внутри (⦿).

Находящееся на поле л. 191в украшение в виде «ветки» аналогично подобному же элементу заставки на л. 170б.

Рассмотрение всех элементов украшения рукописи свидетельствует о том, что ее художественное оформление выполнено в старовизантийском стиле, характерном для ранних восточнославянских письменных памятников и, таким образом, не противоречит отнесению ТЕ к первой половине XII в.

Заставки, заглавия Евангелий и статей, инициалы, различного вида значки, а также полевое украшение в основном выполнены чернилами, имеющими в настоящее время бурый оттенок, характерный для древних рукописей. Спорадически наряду с чернилами, при этом иногда на одном и том же листе, употреблена киноварь (например, на л. 95, 97, 99, где имеются и киноварные, и чернильные указания евангельских чтений). Следует отметить, что, начиная с л. 101об., она, однако, не встречается (не считая жидкой киновари в правке на л. 142).

Густая малинового цвета киноварь использована в заставках (л. 2а, 58в, 89а, 90а), в некоторых заголовках Евангелий, написанных строчными буквами (л. 2а, 3а, 58в, 59а, 89а, 90а); в расположенных на верхнем или нижнем поле заголовках отдельных статей Евангелий (л. 3, 85об., 93об., 94об., 95об., 97, 98, 101); в инициалах — больших (л. 3, 59, 90), средних (л. 86г, 88г, 91б) и малых (л. 2, 84—88, 91—101); в помещенных на полях и в межстолбцовом пространстве указателях чтений типа **ма-ѿ | а** л. 3а; в различного вида значках, сопровождающих заголовки Евангелий (например, л. 2а, 58а) и их отдельные статьи как в оглавлениях, предшествующих тексту каждого из четырех евангелистов, так и находящихся на полях рукописи.

Изредка киноварью написаны надстрочные знаки и знаки вставок отдельных слов в текст.

по горизонтали и не поднимаются выше середины высоты букв; равноправно употребляются графические варианты буквы **н** как с длинной косой перекладиной, соединяющей составляющие эту букву мачты, так и с лишь немного укороченной перекладиной; симметричная буква **ж** пишется в три приема: с двумя изогнутыми слева вниз направо и справа вниз налево линиями: **ѳ** с мелкой симметричной чашей, преимущественно со скругленными сторонами, занимающей $\frac{1}{3}$ высоты строчной буквы; **ж** с маленькой треугольной головкой пишется как будто в четыре приема; **ѣ, њ, њ** имеют петли маленького размера. На древность письма указывает и наличие буквы «коппа» (**С**).

О принадлежности рукописи ТЕ первой половине XII в. свидетельствуют начертания таких букв, являющихся палеографическими приметами этого времени, как **ѣ**, мачта которой уже немного возвышается над верхним уровнем строчных букв, а «коромысло» находится на этом уровне; «омега», которая имеет высокую середину, но петли буквы нередко уже немного разведены; «пси», которая имеет вид цветка лилии с высоким пестиком и двумя лепестками с отогнутыми книзу концами.

Писец. Наблюдения за начертанием и употреблением букв, строчных и надстрочных знаков (см. ниже) показали, что рукопись ТЕ написана одним писцом. Имеющееся в кратком описании этой рукописи замечание, которое имеет предварительный характер, так как не содержит каких бы то ни было доказательств, и в котором к тому же еще выражено сомнение: «устав одного (?) писца» [Каталог славяно-русских рукописных книг 1988: 55], на наш взгляд, не противоречит нашему выводу о том, что рукопись написана одним писцом.

Им переписан не только собственно евангельский текст, но и заголовки чтений на полях, а также различного рода указания к тексту, включая месяцеслов.

Для писца ТЕ характерно употребление графических вариантов и функциональных дублетов букв и надстрочных знаков.

Индивидуальные приемы письма прослеживаются на протяжении всей рукописи в начертании следующих букв:

з — часть буквы, вписанная в строку, довольно большая: горизонталь начинается маленьким треугольничком, наклоненная к концу строки линия вписана в строку. Длинный хвост, откинутый назад в виде большой дуги, пересекая междустрочье, достигает верхнего уровня букв, находящихся строкой ниже.

р — головка буквы, округлая в своей верхней части, книзу расширяется, образуя как бы скругленный угол. Длинный хвост касается верхнего уровня букв ниже лежащей строки.

к — правая изогнутая часть буквы обычно отстоит от мачты, лишь изредка приближается и даже примыкает к ней.

Ү — с небольшой перемычкой, соединяющей обе части буквы. Вписанная в строку наклонная мачта не имеет отворота влево. Правая часть уходит под строку и пересекает междустрочье.

м — мачты параллельны друг другу и лишь изредка слегка наклонены внутрь. Округлый язык может чуть провисать под строку, правая его сторона обычно почти на $\frac{2}{3}$ высоты буквы примыкает к мачте. У левой мачты справа вверх имеется небольшое плечо.

Ѓ — пишется в три приема: овал и каждый усик в отдельности с отворотом вниз в верхней части.

е — узкое, маленький язычок не выходит за полуовал.

т — ограничительный штрих перекладки длиннее справа, чем левый, который к тому же загнут к мачте и более похож на треугольник.

ь — с перпендикулярной линии строки мачтой.

ѣ — обычно с наклоненной к концу строки мачтой.

Утверждению, что рукопись ТЕ переписана одним писцом не противоречит и такая отмеченная на всем ее протяжении графико-орфографическая отличительная особенность, как употребление немаркированной лигатуры **ѣ** и **ѣ** (ѣ)¹.

Свидетельством того же может послужить наличие своеобразных сокращенных написаний, например: **ѣзъкъ**, **ѣтъѣ** (см. ниже).

Не входит в противоречие с данным выводом и широко представленное в ТЕ, характерное для раннего восточнославянского письма употребление отдельных букв как функциональных эквивалентов. В ТЕ в такой роли выступают в соответствии с *о и *у после букв твердых согласных диграф **оу**, его графический вариант (по происхождению) **ѣ**, буква **ж** (например, **ѣпоуѣю** 55б 17, **ѣпжѣю** 55а 22; **странж** 69в 4, **странѣ** 60б 21; **ѣлаоуѣ** 168б 13, **ѣлаоуж** 179а 19) и в месяцеслове в единичных случаях, при этом в конце строки, монограф **ѣ** (**лѣтѣ** | **ргини** 191а 20).

После букв мягких согласных употребляются **ѣж**, **ю**, **ѣ** (ижица), а после шипящих и **ч** еще и **оуѣ**, **ж** (например, **ѣзлюбѣши** 80в 7, **ѣзлѣѣши** 80б 23; **ошюѣж** 38в 23, **ошѣж** | **юѣж** 76г 7, **ошѣ** | **ѣжѣ** 38в 6; **ѣчюждинѣхъ** 33б 9, **чюѣдиша сѣ** 178а 21, **чѣж** | **диша сѣ** 40а 10; **гѣѣю** 23в 1, **ходоѣжѣ** 78в 23, **нмоуѣжоуѣмоуѣ** 24а 20, **гѣѣюуѣмоуѣ** 23в 10; **межю** 145а 21).

Аналогичная картина употребления указанных букв как функциональных эквивалентов представлена и в начале слова (например, **оуѣнѣнѣи** 15в 19, **ѣнѣнѣи** 15г 1, **жнѣнѣкъ** 15в 8; **ѣѣ оуѣста** 29б 2, **нз жѣстѣ** 29а 1, б 6).

В соответствии с *’а, *’ја после букв, обозначающих этимологически или позиционно мягкие согласные, в роли функциональных эквивалентов выступают буквы **ѣ** и **ѣ** (например, **ходоѣѣ** 29г 23, **видѣѣѣ** 30а 1, **ѣлаоуѣ** 56г 13, 19, **ѣлаоуѣ** 168б 13; **моѣѣ** и **гѣѣѣ** 14г 2). Функцио-

¹ Подробнее об этом см. ниже.

нальными эквивалентами являются в ТЕ также **и** и **ї** (например, **прїдї** | **и придеть** 14г 21), **є** и **к** (например, **тажателемъ** 79а 11, **тажателкмъ** 79а 10; **садъкенсцѣ** 30об. верхнее поле, **саджкки** 30б 18), **о** и **w** (например, **народа** 27а 13 и **нарw|дъ** 25в 19; **роди** 3а 8–11, 13, 15, 17–18, 20, 22, **рwди** 3в 11; **помъшлгють** 61в 7, **pw|мъшлгактє** 61в 9; **архиревови** 164в 4, **архиреввъ** 164б 24).

Как показало наблюдение за употреблением в ТЕ функциональных эквивалентов широкие варианты выше перечисленных букв употребляются преимущественно в конце строки или в непосредственной близости к нему [Гольштенко 2000: 11–12].

Яркой графико-орфографической особенностью писца ТЕ является употребление на всем протяжении рукописи, включая и месясцеслов, немаркированной лигатуры **Ѣ**, состоящей из крупного размера буквы **Т** и немаркированного буквенного знака **ь** (?) [Гольштенко 2000: 17–23].

Наблюдения за начертанием и употреблением буквенных знаков показали, что письмо ТЕ содержит ряд графико-орфографических особенностей, свойственных древнерусским рукописям XI–XII вв.

Сокращения. Лигатуры. Сокращенные написания слов в ТЕ употребляются довольно часто, при этом преобладающими являются сокращения без выноса буквы под титло. Уместно здесь отметить, что особое место среди написаний с выносом буквы под титло или без него занимают в рукописи несокращенные написания слов, употребляющиеся в конце строки, например, **прѣ|повѣдью** 23а 16, **пригаша** | 37г 17, **кмѣ'** | 32а 13.

Случаи отсутствия титла в сокращениях по сравнению с аналогичными примерами в несокращенных написаниях, употребленных в конце строки, единичны. Однако в написаниях того и другого вида эти случаи нередко объясняются нехваткой места в междустроичье для постановки титла. Это происходило либо из-за спускающихся в междустроичье деталей отдельных букв с расположенной выше строки, либо из-за выходящих за верхний уровень строчных букв отдельных их элементов, или графического облика самой выносной буквы, над которой должно было бы стоять титло.

Так, постановке титла над написанием **дни** 137а 19 мешал хвост буквы **ц** с 18-ой строки. Обычно же рассматриваемое написание этого слова и других его форм имеют титло. Или, например, отсутствует титло над написанной в междустроичье в конце строки буквой **ї** в написании **прї|деть** 161в 15. Эта буква целиком, то есть вместе с двумя черточками над мачтой, вписана в пространство междустроичья, занимая все это пространство над буквой **р**. Нет титла и, например, в написании **празьд|ны** 37в 21, в котором сама выносная буква имеет титловидный рисунок.

Следует заметить, что для несокращенных написаний с выносом буквы в конце строки отсутствие или наличие титла над этой буквой нередко в одних и тех же словах не всегда можно объяснить указанными выше обстоятельствами. По-видимому, здесь имели значение какие-то иные, индивидуальные соображения и приемы писавшего или его представления о маркировании конца строки. Так, например, наряду с **ѡѡ** | 159в 24, **ѡѡ** | 141в 6, **ѡѡ** | **сѡславѡшааго** 150в 22, отмечены написания **ѡѡ** | 60г 15, **посѡславѡшааго** | 142в 23, в которых ничто не мешало в междустрочье постановке титла.

В связи с этим необходимо обратить внимание и на наличие в ТЕ нечасто встречающихся в раннем восточнославянском письме сокращенных написаний слов.

При том, что сокращаться написание может на одну или более букв, в ТЕ наряду с распространенными в ранних восточнославянских рукописях сокращениях, например, **речѣ** (**рече** 29в 12, 19) 29в 22, г 4; **чѡлка** (**чловѣка** 29а 2), 29б 16, 19; **ѡ сѡрдца** (**ѡ сь | рдыца** 29б 5) 29б 9, **сѡрце** 12а 12, 182б 15, отмечены и такие, как например, **гѡнома** (= **господинома** дв. дат.) 12б 5, 117в 13, **ѡѡчьтьць** (= **ѡѡчьтьць**) 151г 17, **ѡѡте** (= **ѡѡгословите**) 10в 7, **ѡѡни** (= **ѡѡгословени**) 50а 23, **ѡѡтыпа** (= **ѡѡгачтыпа**) 125б 18; **дѡца** (= **дѡвница**) 16в 19; **ѡѡкъ** (= **ѡѡзыкъ**) 126б 19, 127в 19, 129г 11, **ѡѡци** 12г 6; **гѡк** (= **господиѡк**) 122г 18; **гѡшмь** (= **гѡглаголюшмь**) 7б 21; **пѡрѡци** (= **пѡрѡрѡци**) 47б 1, **дѡвъ** (= **давидѡвъ**) 39а 20. Обилие в рукописи такого рода сокращенных написаний не позволяет предположить, что перед нами механические описки.

И в этом случае вероятнее всего видеть индивидуальную манеру писавшего в эпоху не нормированного строго письма с неустоявшимися приемами. Эпоху, когда следует еще говорить только о тенденции к норме. Подтверждением сказанному может явиться наблюдение за лигатурами в описываемой рукописи [Гольшенко 2000: 16–24].

Одним из приемов экономии писцом места в строке и украшения письма было употребление букв большего размера, чем строчные. В ТЕ в их роли выступают **Т**, **Ѣ**, **Г**, **Ъ**, **Ѧ**. Такие увеличенного размера и украшенные буквенные знаки, употребляющиеся спорадически в строке, кроме ее абсолютного начала, и обычно в абсолютном конце строки, если это буквы гласного, или в непосредственной близости к ее концу, если это буквы согласного, принято называть «декоративными».

Эти буквы не могут выступать в роли палеографических примет, потому что их графический облик может существенно не изменяться во времени. Вместе с тем сведения, полученные при анализе приемов начертания и употребления декоративных букв, должны быть использованы как дополнительный доказательный материал при определении

количества почерков и писцов в рукописи или идентификации почерков в двух или нескольких письменных памятниках.

Одним из важных назначений декоративных букв является их употребление в составе лигатур выполняющих аналогичную двум или нескольким буквам роль.

Наиболее часто и преимущественно в конце строки или в непосредственной близости к нему употребляются в ТЕ, как, впрочем, и в других ранних восточнославянских рукописях, лигатуры, составленные из декоративной и строчной букв, а именно: **Ѣ**, **Ѣ**, **Ѣ**, **Ѣ**. Всего лишь по одному разу отмечены лигатуры **нГ** (н+Г — **нГѣ|ли**) 50а 8, **Ѣ** (н+Ѣ — **Ѣсть**) 149г 22, **Ѣ** (Ѣ+Ѣ — **Ѣникъ**) 139г 16.

Наряду с лигатурами, в состав которых входят декоративные буквы, в ТЕ имеются лигатуры, состоящие из строчных букв. Единичными написаниями в абсолютном конце строки или в непосредственной близости к нему представлены: **ѣ** (из н+ѣ — **ѣтъ|мище**) 60а19, **ѣ** (из н+ѣ — **ѣмокъѣиц**) 2в18, **ѣ** (из м+ѣ — **ѣдѣ|**) 30а 20, **ѣ** (из м+ѣ — **ѣжа|**) 188в 1, **ѣ** (из м+ѣ — **ѣца|**) 178в 11, **ѣ** (из ш+ѣ — **ѣшо|**) 38в 11. Значительно чаще, чем эти приведенные единичные написания лигатур, состоящих из строчных букв, в данной рукописи преимущественно в конце строки употребляется лигатура, составленная из букв л и ижицы, при этом чаще **лѣ**, чем **лѣ**: например, **землѣ**. 111г 1, **прѣклѣчиша...** сѣ 112а 20, **заплѣють** 121б 6, **гѣ** 162в 1, **гѣ** 131а 18.

С употреблением лигатур в ТЕ связана очень интересная графико-орфографическая особенность, отличающая письмо этой рукописи от известных нам до сих пор систем письма ранних восточнославянских письменных памятников². Имеется в виду достаточно частое употребление в конце строк немаркированной лигатуры **Ѣ**, в том числе и в составе лигатуры **Ѣ**.

Составляющими лигатуры **Ѣ**, входящей также и в лигатуру **Ѣ**, являются декоративная **Ѣ**, высокая мачта которой обычно (исключения крайне редки) перечеркнута по горизонтали штрихом, и немаркированная буква редуцированного. Считать буквенный знак редуцированного немаркированным позволяет то, что лигатуре **Ѣ**, употребленной в одном и том же положении (чаще в конце строки, чем в строке), а также подчас в одних и тех же словах, соответствуют, с одной стороны, написания с **ѣ**, **Ѣ**, а с другой — **ѣ**, **Ѣ**, **Ѣ**, а лигатуре **Ѣ** — **ѣ**, **Ѣ**, **Ѣ**.

² Следует заметить, что маркированная лигатура **Ѣ**, состоящая из букв декоративной **Ѣ** + строчной **ѣ** и употребляющаяся в конце строки, встретилась нам в хронологически близкой ТЕ рукописи — в Мстиславовом Евангелии конца XI (рубежа XI—XII) века: например, **осоудѣѢ** 47б 25, **ѣѣѢ** 70а 9, **погоуѣѢ** 174г 1, **отъѣѣѢ** 174г 5 [Апракос Мстислава Великого 1983: рис 9, 10].

В подавляющем большинстве случаев окончанию Зл. ед. и мн. числа глаголов соответствует в ТЕ написание **-ть**. Вместе с тем в положении абсолютного конца строки это окончание иногда представлено в виде лигатуры **Ѣ**. Значительно реже с этой лигатурой пишутся имена существительные. Например: **синаѢ** | 10в 16, **придеѢ** | 56в 13, **къѢ** | 24г 1, **видѡѢ** | 24б 4, **оставляюѢ** | 119г 13, **причасѢ** | **никомъ** 100в 20, **радосѢ** | 93г 15. Отмечено написание рассматриваемой лигатуры в единичных случаях в строке и в непосредственной близости к концу строки, например, **нѣсѢ** 65а 19, **власѢ такжъ** | 175б 25.

О том, что данная лигатура действительно может передавать сочетание двух букв **т+ъ** свидетельствуют многочисленные написания такого рода как в конце строки, так и в строке, при этом нередко в одних и тех же словах, например: **видитѢ** | 117в 15, **къѢ** | 109в 13, как с перечеркиванием штрихом мачты **Ѣ**, так и без него, например: **речеѢ** | 113б 14, **поимѢ** | 23б 13, а также в строке, например, **полагають** 69а 5, **жадность** 137б 14.

Лигатура **Ѣ** в соответствии с сочетанием **т+ъ** в абсолютном конце строки употреблена в ТЕ, например, в следующих случаях: **Ѣ** | **кмо** 16б 23, **избыѢ** | **кы** 71г 12, **въспѣѢ** | (аор. ед. Зл.) 86а 19, **Ѣ** | (местоим.) 26г 23, **домовиѢ** | 41б 7, **пилаѢ** | 165а 15, **начаѢ** | (аор. ед. Зл.) 84в 3, **Ѣ** | **гда** 39б 11, **приѢ** | **чами** 24а 13, **поѢ** | **щавъ са** 121г 10.

В подавляющем большинстве случаев в ТЕ представлены в аналогичном положении написания с **Ѣъ**, **тѢ**, **тъ**, при этом нередко в тех же самых словах, например: **тѢ** | 191г 17, **тъ** | 107в 1, **Ѣ** | **гда** 54б 11, **притѢ** | **чю** 24г 18. Внутри строки одни и те же слова отмечены тоже написаниями с **тъ**, например, **скръжьтъ** (ср. **скръжьѢ** | 26а 6) 26в 1, **притѢчю** 25б 11.

Полагать, что лигатура **Ѣ** употребляется в глагольных формах 3-го лица только вследствие замены древнерусским писцом старославянского окончания **-тъ** на **-ть**, не приходится, так как в ТЕ та же самая лигатура, как видим, употребляется вместо сочетания **т+ъ** и при написании имен существительных, прилагательных, местоимений, наречий, причастий. Главным условием употребления этой лигатуры в ТЕ, хотя и не проведенным последовательно, является местонахождение обозначаемых ею сочетаний **т+ъ** и **т+ъ** — конец строки.

Аналогичная картина наблюдается и с употреблением лигатуры **Ѣ** в составе буквы «еры». Отмечено всего несколько написаний такого рода в конце строки, например, **Ѣ** | 14а 6, **трикраѢ** | 52б 12, **пасѢ** | **рь** 152г 6, **оулиѢ** | 190б 9.

За исключением единственного и при этом малодостоверного случая употребления буквы «еры» как будто в виде **ы**, возникшей в резуль-

тате исправления самим писцом ошибки, в ТЕ рассматриваемая буква пишется только со строчной ъ или с «декоративной» Ъ.

В результате анализа начертания и употребления в ТЕ лигатуры Ъ возникают закономерные вопросы: почему и откуда в этой рукописи двуерового письма появились написания с немаркированным буквенным знаком редуцированного?

На наш взгляд, именно избирательное и непоследовательное употребление рассматриваемой лигатуры указывает на то, что писец использовал ее в целях экономии места в строке, а также, по-видимому, как элемент украшения письма и как прием маркирования конца строки для удобочитаемости двухстолбцового текста.

Значительно труднее ответить на второй вопрос.

Общепринятым является мнение о том, что графические варианты противопоставленных букв ъ и ь в русской скорописи XVI–XVII вв. иногда совпадали в одном начертании [Бахтурина 1963: 48]. О случаях же графического совпадения или неразличения этих буквенных знаков в раннем восточнославянском письме мало что известно. Обращалось внимание главным образом на неустойчивость орфографических навыков древнерусских писцов в отношении употребления этимологически оправданных и не оправданных букв ъ и ь, появление которых часто было обусловлено влиянием южнославянского письма.

В связи с этим обнаруженная в ТЕ такая графико-орфографическая особенность, как употребление немаркированной буквы редуцированного в составе лигатуры, несомненно заслуживает внимания, поскольку может иметь значение для изучения истории раннего славянского письма, взаимодействия южно- и восточнославянских письменных систем.

От желания видеть в отдельных написаниях лигатуры Ъ (как будто с ь вместо ъ) реминисценцию древней эпохи, отголосок влияния одноеровой (с ь) преславской школы письма [Гъльбов 1986], предостерегает ограниченная сфера употребления этой лигатуры в ТЕ: почти исключительно в конце строки.

Строчные знаки. Из строчных знаков в ТЕ употребляются точка, которая стоит на уровне середины высоты строчных букв, и четырехточие (:·). Изредка точка имеет вид небольшой черточки, например, на л. 13б 18, г 9. Четырехточие как правило стоит в конце абзаца, но иногда используется и как значок вставки, указывающий на пропуск слов в тексте. Обычно значок вставки употреблен дважды: при написанном на поле пропущенным в тексте словом и в междустрочье над текстом, где допущен пропуск. Так, например, с указанным значком вынесено на левое поле л. 137об. слово :·**ажє**. С помощью аналогичного значка, поставленного в междустрочье 13-ой и 14-ой строк над стыком слов

кго творяше, дается указание на место вставки пропущенного слова. Или, например, на левом поле л. 148об. написаны одно под другим два пропущенных в тексте слова **коѿ** | **кмоу** с двумя значками вставки: один над **к**, а второй — после **кмоу**. В междустрочье же над 15-ой строкой имеется только один описываемый значок, хотя указанные слова не должны следовать в тексте друг за другом. Они должны находиться на одной строке. Первое из этих слов должно стоять после знака абзаца, имеющего идентичный знаку вставки рисунок, а потому писец, по-видимому, и не повторяет в междустрочье значок вставки того же рисунка, что и знак абзаца. Для слова **кмоу** место вставки обозначено как обычно в междустрочье над словом **же** с помощью четырехточия.

Таким образом, в рассматриваемом случае знак в виде четырехточия является не маркированным функционально, поскольку одновременно выполняет роль двух знаков — знака абзаца и вставки, имеющих разное значение.

Надстрочные знаки. Кроме титл разного рисунка, обусловленного видом сокращения слова — с выносом буквы под титло или без ее выноса — в междустрочье употребляются надстрочные знаки разнообразного графического облика³. Они имеют вид:

1) небольшого острого уголка, обращенного своей открытой частью:

а) вниз, к строке (ˆ) или к верхнему уровню строчных букв (˘), то есть перевернутой «галочки» или «птички»; б) к концу строки (˘); в) к правому верхнему углу листа рукописи (˘); при этом данный значок преимущественно значительно крупнее остальных;

2) небольшого размера скобочки: а) спинкой вверх (˘), похожей на камору или скорее на горизонтальный спиритус; б) спинкой, обращенной к началу строки (˘), похожей на вертикальный спиритус;

3) одной вертикальной черточкой с наклоном к концу строки (˘) в виде акута (оксии);

4) двух небольших вертикальных черточек с наклоном к концу строки (˘) или сдвоенного акута (оксии).

Кроме сдвоенного акута какие-либо другие соединения двух надстрочных значков над одной строчной буквой в ТЕ отсутствуют.

При рукописном воспроизведении буквенных и небуквенных знаков появление их графических вариантов неизбежно. Отмечены они и в ТЕ. Изменения в графическом облике того или иного знака могут быть более или менее выразительными и существенными. В ТЕ имеют графические варианты такие надстрочные знаки, как сдвоенный акут и крупного размера уголок, обращенный открытой частью к правому

³ Подробно о графическом облике и употреблении надстрочных знаков в ТЕ см. [Гольщенко 2002].

верхнему углу листа рукописи. Так, сдвоенный акут иногда преобразуется в две точки. Происходило это нередко из-за того, что пространство над строчной буквой в междустрочье было частично или даже полностью занято, например, титлом или расположенными в этом междустрочье деталями некоторых букв, находящихся на расположенной выше строке. Ими могли быть элементы так называемых «декоративных» букв увеличенного размера. Например, в написании **ЕВАНГЕЛІСТ** 2а 21, где два штриха над **і**, составляющие сдвоенный акут, из-за нависшего над ними левого плеча «декоративного» **Т** не только стали короче, но превратились в две точки. Иногда этот графический вариант сдвоенного акута появляется как будто и без видимых причин, например, над омегой в написании **ВАВУЇЇНЬСКААГО** 3г 11. Однако и в этом случае нельзя исключить того, что появлению сдвоенного акута в виде двух штрихов мог помешать хвост буквы **р** с предыдущей строки, располагающийся над буквой **л**, предшествующей омеге.

Различительным признаком уголков, обращенных открытой частью к правому верхнему углу листа, является лишь их размер или величина. Сохраняя указанный рисунок, уголок изредка имеет маленький размер. Наблюдение за употреблением этих крупных и небольших уголков убеждает в том, что при сравнительно небольшом числе случаев взаимной мены маленького уголка и крупного в них следует видеть графические варианты, а не два разных знака, каждый из которых выполняет свою определенную роль. Независимо от размера уголок рассматриваемого рисунка главным образом маркирует конец строки и лишь изредка представлен внутри строки. Употребляется он преимущественно над буквами согласных.

Графические варианты одного и того же значка в ТЕ могут различаться размером или какими-то малосущественно измененными составляющими его деталями, например, в большей или меньшей степени выгнутой спинкой у спиритусов. Основные же, формообразующие признаки того или иного надстрочного знака при этом непременно сохраняются.

Бесспорно графически разными надстрочными знаками в ТЕ являются значки в виде острого уголка, скобочки (спиритуса) и акута. Вместе с тем внутри той или иной разновидности указанных значков имеются тоже разные знаки, а не только графические варианты одного и того же знака. Так, среди разнообразного вида небольших уголков, по-видимому, разными знаками следует считать такие, у которых открытая часть обращена вниз, к нижней линии строки (^), или к концу строки (ˆ), или к правому верхнему углу листа рукописи (˘). Указанное графическое различие представляется нам более существенным признаком, отличающим один значок от другого, чем размер знака одного

и того же рисунка, послуживший основанием для нас определять небольшой уголок, открытой частью обращенный к правому верхнему углу листа (˘), как графический вариант крупного знака того же рисунка. Графически разными знаками являются также скобочки, спинкой обращенные вверх (˘) или к началу строки (˘).

Графически различные знаки могут, выполняя одну и ту же функцию, представлять собой функциональные эквиваленты. В ТЕ как функциональные эквиваленты употребляются надстрочные значки разной конфигурации — различного вида уголки и скобочки.

Так, выполняют одну и ту же функцию значки в виде небольшого уголка, различающиеся графически тем, куда обращена их открытая часть: вниз, к линии строки, или к концу строки. Убеждают в этом написании одного и того же слова, например, **брашіно** 144в 5, где надстрочный знак в виде небольшого острого уголка обращен открытой частью к концу строки, и **брашіно** 144в 6, в котором открытая часть того же знака обращена вниз, к линии строки. Как видим, описываемые знаки отмечены в написаниях одного и того же слова, находящихся в одинаковых условиях, в середине строк, при этом расположенных на одном и том же листе, одна под другой. Надстрочные знаки указанных рисунков в данном случае выступают в одной роли — паерка, заменяя строчную букву редуцированного гласного, ср. **брашына** 27в 13.

Как функциональные эквиваленты выступают и разного вида скобочки со спинкой обращенной вверх (˘) или к началу строки (˘), например, в написании **даінінѣ** 13б 12. Более того, разные, графически маркированные надстрочные знаки (и уголки, и скобочки) являются функциональными эквивалентами, ибо могут употребляться как над буквами гласных, в том числе и йотованных, так и над буквами согласных, например, **раздроушениі кіа** 14б 18, **изъми кі ѿ вьрзи кі** 9г 3, **расіжстъгыпѣ** 9г 21, **вълці** 13г 2.

В роли функционально не маркированных надстрочных знаков в ТЕ отмечены все представленные знаки, за исключением сдвоенного акута. Что же касается единичных написаний, в которых акуты употреблены вместо ожидаемого уголка или скобочки, то речь в этих случаях вообще не может идти о них как о функциональных эквивалентах, а лишь как об ошибках писавшего. К числу описок или ошибок такого рода следует отнести написание **прежде** 161а 14, где сдвоенный акут употреблен вместо небольшого острого уголка или скобочки. По-видимому, можно объяснять как ошибочное и употребление надстрочного значка в виде небольшого уголка, открытой частью обращенного к верхнему правому углу листа рукописи (˘), между широкой буквой **н** «восьмеричного» и узкой — **і** «десятеричного» в написании **нсоусть** 4б 13, где **н** является строчной буквой и не выполняет роли малого инициала, над которым

мог бы быть употреблен крупный уголок аналогичного рисунка. Вероятно, рассматриваемый знак мог бы быть употреблен вместо сдвоенного акута, который в этом случае отсутствует над рядом стоящей буквой **і** «десятеричное». Вместе с тем необходимо заметить, что при малом инициале описываемый значок обычно проставлялся писцом не после этого инициала, а перед ним (ср., например, **Н** 38б 4). Если же данный небольшой уголок при букве **н** употреблен не вместо сдвоенного акута, то, вне всякого сомнения, он помешал постановке этого акута над **і** «десятеричным».

О сколько-нибудь строгой соотнесенности и тем более о закреплении надстрочного знака того или иного рисунка за определенной функцией в ТЕ говорить не приходится. Наблюдается скорее всего лишь некоторое пристрастие писца к употреблению того или иного значка над буквой гласного или согласного: небольшие уголки как будто преобладают над буквами согласных, а скобочки — над буквами гласных. Отклонения от указанного «правила» многочисленны, что и дает право считать эти надстрочные знаки функциональными эквивалентами. Так, о смещении значков разного графического облика, как небольших уголков, так и скобочек, свидетельствуют, например, с одной стороны, написания: **тж . ѳъми ѳи вързи ѳ** 34а 3–4, **ѳсмь ѳъъ . ѳъъ** 165б 21, в которых одни и те же знаки проставлены как над буквами гласных, так и согласных; с другой — **ѳко** 34а 2, **ѳкъмь** 34а 7, **ѳвыць** 34б 1, в которых разные значки стоят над одной и той же буквой гласного.

И все-таки полагать, что писец безразлично и бездумно относился к расстановке надстрочных знаков, вряд ли будет справедливо. Видимости неупорядоченного употребления надстрочных знаков в ТЕ содействует при графическом разнообразии их рисунков и употреблении большинства из этих знаков как функциональных эквивалентов непоследовательная и нерегулярная их расстановка.

Отсутствие надстрочных значков нередко вызвано чисто внешними, неязыковыми причинами, когда появлению этих знаков мешают уже имеющиеся в междустрочье детали некоторых букв (хвосты, ножки, перекладыны), титла, а также те или иные дефекты пергамента (дыры, зашитые разрывы).

В сокращенных написаниях слов из-за титла может отсутствовать, например, сдвоенный акут (**і**, **ѳ**) — **Исѳ** 3г 15, **ѳчи** 135а 8. Или, например, без надстрочного знака над второй из двух рядом стоящих букв гласного написано слово **вържиТе** 159а 11, ибо место для этого знака над **и** занято левым плечом «декоративной» Т. Строкой ниже данное слово, над которым междустрочье свободно, пишется уже с надстрочным знаком — **вържѳТе**. Сравним также еще написания одного и того же слова на одном и том же л. 157: **соѳждю** в 1 и **соѳждю** б 24, где появлению над-

строчного значка мешает в междустрочье хвост буквы **χ** с расположенной выше строки 23.

Не всегда, конечно, можно объяснить отсутствие в написании ожидаемого знака только указанными причинами. По известным лишь писцу обстоятельствам отсутствуют или наличествуют рассматриваемые знаки в тождественных или родственных словах, встречающихся в ТЕ на одном и том же листе, столбце, на близко расположенных строках, например, на л. 34 г: **седѣмь** 17, **седѣмь** 19, но **седѣмь** 20, **седмицею** 21. Заметим, что междустрочия над двумя последними написаниями свободны, а потому появлению надстрочных знаков ничего не мешало бы. О том же свидетельствуют и стоящие рядом написания на л. 38а 21—22: **първнѣи**. и **първни** и **послѣднни**, в которых графические варианты надстрочного знака в виде небольшого уголка последовательно употреблены над двухбуквенными сочетаниями согласных, тогда как над буквами гласных этот знак имеется лишь в одном из представленных пяти слов.

Иногда писец как будто намеренно заменяет один надстрочный знак другим, который в данном случае является более выразительным, ибо зрительно не сливается с элементом стоящей выше строкой буквы. Так, в написании **оумъслѣвъшю** 4а б писец над **ѣ** вместо сдвоенного акута пишет вертикальный спиритус, который лучше смотрится рядом с опускающимся в междустрочье хвостом буквы **ц** с расположенной выше строки 5.

По-видимому, умышленно писец опускает в написаниях **хланидоу** | **чръленю** 55г 1—2 ожидаемые над каждой из двух букв **ю** горизонтальный спиритус или небольшой уголок, ограничившись лишь постановкой над первой из этих букв большого уголка как показателя конца строки.

Можно предположить, что, по всей вероятности, писец иногда просто избегал употребления подряд или в соседних слогах двух одинаковых значков. Возможно, это происходило из желания разрушить возникающее зрительно однообразие знаков. Так, например, в написаниях **ѣванѣ** 2б 10, **ѣванѣ** 20б 12 вместо двух сдвоенных акутов подряд (над **ѣ** и **ѣ**) он пишет над омегой спиритус. Правда, несколькими строками ниже на этом же листе и в этом же столбце находим написание **хождѣннѣ** | 2б 12 с двумя стоящими рядом **ѣ**. Заменять сдвоенный акут над **ѣ** другим значком писцу как будто не было свойственно. В этом и подобных ему случаях нельзя исключить того, что появление двух одинаковых узких вариантов букв могло быть обусловлено экономией места в строке, стремлением избежать «рваной» вертикальной линии столбца. О нежелании нарушать эту линию свидетельствуют в ТЕ, кроме случаев употребления узких вариантов букв, также появление паерка вместо строч-

ной буквы, что наглядно может быть проиллюстрировано сравнением, с одной стороны, написаний **о въпрошьшихъ** 90а 1, **о въпрошьшиимъ** 89г 2 и, с другой, — **о въпрошшимъ** 89г 20, в котором писцу было необходимо во избежание образования «рваного» края столбца уменьшить длину 20-й строки. Сделать это было возможно в данном случае лишь сократив текст строки графически. С этой целью вместо строчной буквы **ь** писец ставит замещающий эту букву надстрочный значок. Убеждает в том, что это было сделано именно с указанной целью и появление в рассматриваемом написании вместо широкого варианта буквы «иже» (и «восьмеричного»), а, быть может, даже и вместо двух таких букв (ср. приведенные выше написания этого слова с двумя «и»), узкого варианта этой буквы — **ї**.

Непоследовательность употребления надстрочных значков наглядно предстает при сопоставлении близко расположенных, находящихся нередко в одном и том же столбце текста и даже на соседних строках написаний одной и той же буквы в аналогичном положении, или одного и того же слова и его форм то с надстрочным значком, то без такого значка, хотя как правило его постановке ничто не мешало, например, над буквами гласных: **твоѣ** 12а 21 и **твоеѣ** 12а 19, **дагѣниѣ** **благата** **дагати** 13б 20–21, **семоу ѣди ѣ ѣдетъ** 14г 18 и **ѣ жални исходаща** 15г 18, **приѣмлетъ** 19б 12 и **прикмлетъ** 19б 13, 14, а также над буквами согласных: **правдѣниче** 19б 21 и **правдѣничу** 19б 22, **ѣтворитъ** 14г 22 и **ѣтвори** 4г 21.

Для определения выполняемой надстрочными знаками в ТЕ функции, экстралингвистической или, что в особенности важно, лингвистической, обратимся к рассмотрению условий, в которых эти знаки отмечены. Необходимо установить, все ли они, или лишь некоторые из них могут иметь фонетическое значение и какое именно. В связи с этим следует выяснить: во-первых, над какими буквами гласных и согласных или сочетаниями тех или иных букв эти знаки отмечены; во-вторых, место их постановки — над сочетанием букв или только над одной буквой, в том числе и входящей в двух- или трехбуквенные сочетания, и, в-третьих, — над самой буквой, слева либо справа от нее, а в сочетаниях букв — над первой или второй из них, или над одним из элементов той или иной из этих букв, левым или правым.

Как оказалось, место расположения надстрочных знаков в ТЕ представляет одну из графико-орфографических особенностей этой рукописи. Расположенный над последней буквой двух- и трехбуквенного сочетания согласных, в том числе и над ее левым элементом, и даже после нее, надстрочный знак обычно имеет отношение не к этой последней, а к предшествующей ей букве, например, **исходитъ** 70в 16.

Несомненный интерес в ранних восточнославянских рукописях вызывает употребление надстрочных знаков при буквах согласного, поскольку в указанном положении эти знаки часто могут иметь фонетическое значение.

В ТЕ надстрочный знак отмечен над буквой согласного, как правило, входящей в сочетания из двух или трех этих букв, в том числе и находящихся на стыке слов. Исключения очень редки, например, **зъва|ни** 38б 11, где роль надстрочного знака в виде скобочки непонятна, и скорее всего появление этого и подобного ему написания может быть объяснено только ошибкой писца, употребившего эту скобочку вместо крупного уголка, маркирующего конец строки.

Место постановки надстрочного знака над буквой согласного, как показало наше наблюдение, зависит от места расположения сочетания этих букв: внутри строки или в ее конце. Над сочетаниями, стоящими внутри строки, этот знак находится после первой буквы согласного, как бы над межбуквенным пространством двух рядом стоящих букв, например, **слѣпѣцьмъ** 29а 14, или над левой деталью второй из этих букв, например, **къмъ** 28а 14, **сърдъца** 133в 5. Иногда надстрочный знак стоит даже уже за второй из двух стоящих рядом букв согласного, например, **тъгда** 23б 14, **послѣдняя** 23б 19.

Значительно реже, чем внутри строки, надстрочные знаки при букве согласного встречаются в конце строки, при этом как тогда, когда после этой буквы имеется небуквенный строчный знак — точка или знак конца абзаца, например, **вашихъ | змиа** 45в 22, **близньць. | не** 168в 8, **неджъ·** 2а 13, так и в абсолютном ее конце — при переносе слова, например, **скър | вѣти** 52в 3. И в том, и в другом случае надстрочный знак находится над буквой согласного, при этом нередко он лишь несколько сдвинут вправо, располагаясь над правым элементом этой буквы и, как отмечалось выше, обычно имеет более крупный размер.

Анализируя функцию надстрочных знаков при буквах согласных в ТЕ, приходим к выводу, что в подавляющем большинстве случаев эти знаки употребляются в роли паерка вместо строчных букв, обозначающих как этимологически обусловленные, так и не обусловленные редуцированные гласные. В соответствии с этимологически оправданными редуцированными гласными они отмечены, например, в написаниях **много** 16а 4, **притча** 2в 23, **ръпѣааху** 145а 12, **наслѣдникъ** 79б 13, **въ житѣнницу** 25б 10, **пшеницу** 25б 9, **вѣхъ** 25б 18, **ѿ разлѣчнѣхъ** 2а 13. Вместо этимологически не оправданных букв редуцированных надстрочные значки представлены, например, в написаниях **познали** 159б 15 (и в других глагольных формах с этим корнем), **дворъ** 164б 24, **сѣрашви** 15г 5, **къмъ** 28а 14, **хѣвъ** 30б 1, **таланѣтъ** 49б 3, **вѣ марка** 59а 21, **сѣангелѣа** 59а 22, **къваса** 72а 16, 17, **възвращъ сѣ** 15а 21, **о финикѣси** 2б 15, **сѣдмъ** 30б 1.

Особую группу составляют написания, восходящие к индоевропейским сочетаниям *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt. Заметим, что в рукописи последовательно соблюдается в рассматриваемых сочетаниях древнерусский порядок букв, где буква редуцированного гласного предшествует букве плавного согласного, например, **сърпѣ** 65б 24, **оумьртвѣатѣ** 126а 11, **въвьрженѣ** 33г 23, **тържнѣкъ** 39г 19, **испѣльнѣ** 27г 11. Написания с буквами редуцированных гласных по обе стороны буквы плавного в соответствии с рассматриваемыми сочетаниями единичны. Они отмечены только в сочетаниях, восходящих к *tʏrt и лишь при переносе: **въвьрь | женѣ** 34а 9, **съвьрь | шени** 163в 18, **ѡ мьрь | твѣныхъ** 169в 14.

Преобладают же в ТЕ в соответствии с сочетаниями *tʏrt, *tʏrt, *tʏlt написания с буквой редуцированного перед буквой плавного и с надстрочным значком после буквы плавного, при этом как в строке, например, **мьртѣвухъ** 57г 11, **тържнѣци** 20б 6, **съ зѣльчю** 56а 6, так и при переносе слова, например, **растѣрь | гнѣтъ** 13б 2, **скѣрь | вѣти** 52в 3, **дѣль | гъ** 35в 10.

В значении паерка употребляется надстрочный знак и на конце слов внутри строки, за которыми следуют энклитики **са**, **же**, например, **плодитѣ са** 65б 19, **видѣвъ же** 55в 4, **имъ же** 168в 4.

Наличие в ТЕ написаний одних и тех же слов, при этом нередко в одной и той же форме, то с буквой редуцированного после буквы согласного, то с надстрочным знаком вместо буквы редуцированного, убеждает в том, что надстрочный знак действительно выполняет роль паерка, ср., например, **послѣдѣ | нии** 177г 7 и **послѣдѣнага** 23б 19, **са мьнитѣ** 33б 3 и **са мнѣтъ** 34а 22, **въпрошьшихъ** 90а 1 и **въпрошьшимъ** 89г 20, **двьрнѣци** 164в 5 и **двь | рьнѣци** 164в 6, **вамъ** 159а 18, 21 и **вам |** 159а 19, **аминь** 159а 10, **аминѣ** 50г 11 и **аминѣ |** 159а 9, **въ каперь | наѣмъ** 60а 17, **въ ка | перьнаѣмъ** 61а 24 и **въ каперьнаѣмъ** 14в 23.

Веских оснований полагать, что диакритика употребляется для обозначения мягкости согласных, в ТЕ нет.

Случаи постановки надстрочных знаков над группой букв согласных или после такого рода группы, за которыми следуют йотованные буквы или буквы гласных переднего ряда многочисленны, например: **въ одеждахъ** 13в 23, **вставляктѣ са** 46а 7, **послѣдѣнага** 23б 19, **ближнѣнага** 60г 10, **съблажнѣктѣ** 33в 21, **свирица** 16в 10, **ославлѣкнѣ** 101б 3, **сънемлютъ са** 164в 21, **соудю** 157в 1, **въ корабли** 27б 20, **наваждѣна** 27а 22, **осжждѣнѣ** 88г 21, **дѣждѣ** 14б 2, **вгнѣ** 13г 20, **огньнѣ** 26б 23, **празднѣни** 37б 1, **вѣтѣвухъ** 25в 1.

Наличие написаний такого рода, как **наваждѣна**, **осжждѣнѣ**, казалось бы дает основание полагать, что надстрочный знак в этих и подобных им примерах обозначает этимологически мягкий согласный, передаваемый сочетанием букв **жд**. Вместе с тем существование в ТЕ

написаний **ослабѣлкнѣ** или **вставѣлактъ ста**, где за рассматриваемыми сочетаниями букв согласных, над которыми поставлен надстрочный знак, следуют йотованные буквы, заставляет усомниться в этом предположении.

Надстрочные знаки над буквами гласных в ранних славянских рукописях, как правило, имеют также и экстралингвистическое значение, поскольку появление этих знаков могло быть обусловлено желанием писца употреблять их по традиции, восходящей к византийскому письму, или, как нам кажется, даже использовать эти знаки как один из элементов украшения рукописного текста.

Не составляет исключения в данном случае и ТЕ, в котором надстрочные знаки обычно употребляются, хотя и непоследовательно, над второй из двух стоящих рядом букв гласного (кроме позиции после **ѣ**), или над каждой из двух последних в трехбуквенном сочетании букв гласных, в том числе и на стыке слов. Так, разного вида скобочки встречаются чаще всего над буквой гласного, а именно над второй из стоящих рядом этих букв, в том числе и над йотованными, при этом как в пределах одного слова. так и на стыке слов. например, **ндѣдѣше и** 16б 16, **прокаженънѣ ѡчищайте** 17в 20–21, **тако ѡдѣваекъ** 12в 23, **на оутрѣи** 12г 15, **канко ѡще** 13в 4.

Надстрочные знаки над йотованными буквами, стоящими после буквы гласного, в ТЕ употребляются достаточно часто, хотя и столь же непоследовательно. Показательны, например, три написания, находящиеся на одном и том же листе рукописи, в одном и том же столбце и на близко расположенных строках — л. 89а 15–17. В двух из приводимых ниже примеров над **ю** и **ѣ**, употребленными в тождественных условиях (после буквы гласного), надстрочный значок имеется — **оутѣврѣдѣющю**, **поспѣшьствѣжѣщю**, а в одном — **послѣдствѣоущими**, отсутствует. Как видим, в двух из тех же примеров над **ю**, находящейся после буквы согласного (**ц**), надстрочного знака нет.

Написания с надстрочным знаком над йотованными буквами, стоящими после буквы согласного, в ТЕ единичны, например, **оумолю** 159в 17. Полагаем, что в надстрочном значке в этом случае не приходится видеть дублирующего (наряду с буквой **ю**) показателя мягкости согласного [л]. Этот случай похож на приведенное выше написание **зѣвѣ|ни**, которое из-за непонятной функции надстрочного знака в нем отнесено нами к разряду описок или ошибок писавшего.

Анализ написаний с надстрочным знаком над группой букв согласных или после нее показал, что основной функцией этого знака в ТЕ является обозначение деления слова на слоги, то есть надстрочный знак выступает в роли паерка, с помощью которого может обозначаться открытый слог в слове. Иначе как объяснить появление надстроч-

ного знака при сочетаниях букв согласных, в которых, во-первых, согласный не был мягким и, во-вторых, после букв согласного этимологически не должно было бы быть буквы редуцированного гласного, например, **постѣраждеть** 73г 16, **человѣчьскыи** 31г 2, **садоукеиѣска** 30в 19, **члѣвьскыи** 50г 24, **галаитѣ** 49б 3,17, **сестѣра** 106а 18, **мѣрѣжю** 169б 16, 25, **двигѣжъ са** 47в 2, **тѣвок** 61а 11.

Итак, наблюдения за надстрочными знаками в ТЕ показали, что они разнообразны по внешнему виду. Расставлены обычно над последней буквой в двухбуквенных или над каждой из двух последних букв в трехбуквенных сочетаниях гласных или согласных, в том числе и на стыке слов. Графически маркированные эти знаки стоят либо исключительно над буквами **ї, ѿ, ѹ** (ижица), как сдвоенный акут, либо преимущественно над остальными буквами гласных, кроме **ѣ**, как скобочки, или над буквами согласных, как уголки, при этом крупные уголки обычно ставятся в конце строк. Основная функция надстрочных знаков в ТЕ, как показал анализ их употребления, состоит в делении текста на слова и слоги, по-видимому, с целью облегчить его прочтение.

Употребляемые, как правило, над буквами, обозначающими слогиобразующие звуки, и в роли паерка эти знаки, кроме сдвоенного акута, могут выступать как функциональные эквиваленты.

Случаи взаимного смешения разного вида уголков и скобочек, а также случаи их отсутствия по той или иной причине, нередки. Именно такого рода обращение писца ТЕ с надстрочными знаками позволяет предположить, что он, в той или иной мере владевший орфографией надстрочных знаков, более или менее последовательно соблюдал некоторые «правила» их расстановки, возможно, обусловленные теми или иными существовавшими представлениями, поддерживаемыми традицией, и даже, может быть, желанием украсить с помощью этих знаков свое письмо.

История рукописи. Записи, современные написанию рукописи, в ней отсутствуют. Самыми ранними являются записи XVII в. На л. 1, первоначально не имевшем текста, расположены поздние записи разных рук. Скорописью XVII в. счетчиком Московского печатного двора Евдокимом Федоровым написано чернилами черного цвета в две строки: **двѣсти безъ седми листовъ циталъ евдокии | ѿ едоровъ къ тетраци.**

Посередине того же листа почерком XIX–XX вв. внесено карандашом в четыре строки указание на листы, с которых начинаются тексты каждого из трех евангелистов⁴ — Марка, Луки, Иоанна, и месяцеслова: **мар — 59 | лук — 90 | юа 134 | мцеслов — 170.**

⁴ Аналогичная запись в отношении евангелиста Матфея, о которой сообщается в каталогах славяно-русских рукописных книг [Сводный каталог 1984:113;

Предшествующие началу текста каждого из четырех евангелистов оглавления начинаются: от Марка — на л. 58об., от Луки — на л. 89, от Иоанна — на л. 134. Оглавление Евангелия от Матфея начинается на л. 2, а сам текст — на л. 3.

На нижней половине л. 1 имеется выцветшая помета XVIII в. латинскими буквами Афанасия Скиады: *videtur seculi 14*.

На нижнем поле л. 2 находится частично затертая (выцветшая или полусмытая?), поновленная или правленая владельческая запись XVII в., которую составители краткого описания рукописи без каких-либо замечаний читают, по-видимому, вслед за А. А. Покровским [Покровский 1916: 36] как **аркажа мнѣстриа еѹгліе** [Каталог славяно-русских рукописных книг 1988: 55].

Некоторое сомнение вызывает в этом прочтении ее первое слово, в котором пострадали отдельные буквы. Так, между началом этого слова и буквой **к** как будто имелась еще одна буква, от которой сохранилась какая-то деталь, напоминающая мачту. Грубо поновлена (написана поверх старой?) чернилами черного цвета буква **к**, на нижней половине которой имеется большое чернильное пятно того же цвета. Эта буква похожа по начертанию на ту же букву в записи счетчика Федорова.

Как будто теми же чернилами аккуратно наведена следующая за **к** буква **а**, отличающаяся по начерку от последней в этом слове буквы **а**. Между двумя этими буквами **а** имеется в строке пробел размером в одну-две буквы. Поверх буквы **ж** (?) как будто написана теми же чернилами черного цвета буква **з** (?).

Таким образом, известное в литературе вопроса чтение первого слова данной записи — **аркажа**, не представляется нам бесспорным.

Плохо сохранилась едва различимая в настоящее время первая буква второго слова записи — **м**.

По нашему мнению, последнее слово рассматриваемой записи, судя по несколько иному начерку первой буквы **е** и форме титла над выносной **г**, а также по более светлому тону чернил, схожему с имеющимися на полях рукописи поздними изображениями крестов темно-коричневого, почти черного цвета, может быть, приписано иной рукой того же времени.

На нижней доске переплета, изнутри оклеенной бумагой, имеется много следов от разного рода поздних XIX—XX вв. помет и заметок, сделанных карандашом. Большая их часть утрачена и не читаема невооруженным глазом. Судя по сохранившимся пометам, они принадлежали, по-видимому, неким лицам, интересовавшимся текстом рукописи. Так, часто повторена буква **ѡ**, написано слово **фѡлаѡниѡ**, арабские циф-

Каталог славяно-русских рукописных книг 1988: 56], на самом деле в ТЕ отсутствует.

ры. Четко различима внизу листа заметка в две строки: **Ись** 4, 15об., 51, 54об., ... 57об., 86, 98, | 130об. На указанных листах в тексте имеются подчеркнутые карандашом слова: например, **исоусть** 4, **и́са** 86, **Ись** 98, **и́с** 130об., а также **неремикм** 54об.

Итак, каких-либо свидетельств об истории рукописи до XVII в. не имеется. На основании приведенной владельческой записи XVII в. данная рукопись, по предположению А. А. Покровского, принадлежала новгородскому Аркажскому (Аркадиевскому) Успенскому монастырю [Покровский 1916: 36]. Судя по скрепе счетчика Московского печатного двора Евдокима Федорова, рукопись находилась на Печатном дворе, а затем, по-видимому, в 1679 г. в числе двухсот других рукописей, присланных специально для Московского печатного двора по распоряжению патриарха Иоакима, оказалась в собрании библиотеки Московской синодальной типографии, в составе которой и поступила в 1934 г. в РГАДА.

Число 54, повторенное дважды на внутренней стороне верхней доски переплета, являлось, каким-то ее старым шифром.

Имеющиеся в рукописи многочисленные следы ее бытования: наличие позднего переплета, обрезанных полей листов, более поздних потетрадных и полистных нумераций, исправления отдельных написаний в тексте, изображений крестов, разного рода записей, помет и проб пера на полях листов, на л. 1, на внутренних сторонах переплета, свидетельствуют о том, что она находилась в обращении, то есть ее читали, переписывали и, судя по карандашным подчеркиваниям отдельных слов в тексте и по выпискам XIX—XX вв. из текста, содержащимся на внутренней стороне нижней доски переплета, изучали.

Выводы. Результаты наблюдений за письмом, графико-орфографическими приемами, нумерацией тетрадей, за элементами орнаментального оформления текста рукописи ТЕ согласуются с аналогичными данными сопоставительного ее анализа с ранними древнерусскими письменными памятниками. Все это убеждает в том, что рукопись ТЕ написана и украшена в начале XII в. одним писцом.

Литература

- Амфилохий 1882 — *Амфилохий*. Палеографическое описание греческих рукописей XI—XII века определенных лет. М., 1882. Т. 2. С. 45—46, 71—74.
- Апракос Мстислава Великого 1983 — Апракос Мстислава Великого. Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Л. А. Владимирова, Н. П. Панкратова. М., 1983. Рис. 9, 10.
- Бахтурина 1963 — *Бахтурина Р. В.* Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариантов // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 35—57.

- Волков 1897 — *Волков Н. В.* Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв. и их указатель. СПб., 1897.
- Воскресенский 1894 — *Воскресенский Г. А.* Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.
- Гольшченко 2000 — *Гольшченко В. С.* Конец строки и приемы его маркирования в раннем восточнославянском письме // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2000>. М., 2000. С. 9—25.
- Гольшченко 2002 — *Гольшченко В. С.* Надстрочные знаки в ранних восточнославянских рукописях // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2001>. М., 2002. С. 47—70.
- Гълъбов 1986 — *Гълъбов И.* Ранни школы на стария български книжовен език // Избрани трудове по езикознание. София, 1986. С. 113—122.
- Дурново 1969 — *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.
- Дурново I—III — *Дурново Н. Н.* Русские рукописи XI—XII вв. как памятники старославянского языка. I—III // Јужнословенски филолог. Београд, 1924, књ. 4. 1925—26, књ. 5. 1926—27, књ. 6.
- Каталог славяно-русских рукописных книг 1988 — Каталог славяно-русских рукописных книг XI—XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Сост. О. А. Князевская, Н. С. Коваль, О. Е. Кошелева, Л. В. Мошкова. М., 1988.
- Покровский 1916 — *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916.
- Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI—XIII вв. М., 1984.
- Срезневский 1882 — *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.) 2-ое изд. СПб., 1882.
- Шумилов 1954 — *Шумилов В. Н.* Обзор документальных материалов Центрального Государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954.